

ХЛОДВИГ ЦУ ГОГЕНЛОЭ-ШИЛЛИНГСФЮРСТ: ИНСТИТУТ КАНЦЛЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ СКЛАДЫВАНИЯ РЕЖИМА ЛИЧНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАЙЗЕРА

С. В. Солодовникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 июля 2024 г.

Аннотация: анализируется изменение баланса сил в политической системе Германской империи в период канцлерства Х. цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрста. Дана развернутая характеристика высшей имперской бюрократии, «Эпоха нервозности» представлена сквозь призму противостояния императорской власти и канцлеров. Также раскрыты факторы, способствовавшие трансформации государственных структур. **Ключевые слова:** режим личного правления, «эпоха нервозности», рейхсканцлер, рейхстаг, «мировая политика», политические элиты.

Abstract: the article analyzes the change in the balance of power in the political system of the German Empire during the period of the Chancellorship of H. zu Hohenlohe-Schillingsfurst. A detailed description of the highest imperial bureaucracy is given, the «Age of Nervousness» is presented through the prism of the confrontation between the imperial power and the chancellors. The factors that contributed to the transformation of state structures are also revealed.

Key words: regime of personal rule, «era of nervousness», Reich Chancellor, Reichstag, «world politics», political elites.

Период царствования Вильгельма II вошел в историю Германской империи как «эпоха нервозности» и трансформации политической системы страны. Причем векторы этой трансформации были разнонаправленными – если политические партии левого спектра – свободомыслящие и социал-демократы – стремились к демократизации государственных институтов и парламентаризации страны (что было достигнуто в последние месяцы существования империи), то молодой кайзер демонстрировал намерение самостоятельно определять линии внутри- и внешнеполитического развития Германии, и в этой связи принято говорить о складывании режима его личного правления. В отечественной историографии данная проблема не нашла развернутого рассмотрения, в то время как в немецкой исторической науке сложилось несколько точек зрения – от отрицания реального существования такого режима (точнее, тезиса о том, что все абсолютистские клише – не более чем фигуры речи в высказываниях кайзера [1, S. 115] до противоположной позиции, которой придерживался в своей фундаментальной работе 1948 г. Эрих Эйк [2, S. 610]. Его аргументация была связана главным образом с тем, что кайзер в значительной мере определял всю кадровую политику, а также решительно вмешивался в управление совершенно различными

сферами жизни государства. Речи кайзера были большим, чем просто риторика, так как определяли деятельность правительства, его возможности и полномочия [Ibid.]. В складывании режима личного правления Вильгельма II, опираясь на который, он пытался преодолеть ограничения, поставленные перед монархической властью конституцией, одним из ключевых этапов стал период канцлерства Хлодвигу цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрста (1894–1900).

В отечественной и долгое время зарубежной историографии Х. цу Гогенлоэ не привлекал внимание исследователей, будучи заслоненным более яркими политическими фигурами – О. фон Бисмарком и Б. фон Бюловым. Более того, уже современники определяли его как переходную фигуру, рейхсканцлера, назначение которого было с большим удивлением воспринято общественным мнением. Ожидали, что выбор императора падет на более молодого, энергичного, консервативного политика, в отличие от либерального, по-солдатски прямого и упрямого Каприви. Такие кандидаты, действительно, были – например, министр-президент Пруссии и крупный деятель Немецкой консервативной партии Бото цу Эйленбург или начальник Генерального штаба граф Альфред фон Вальдерзее. Между тем Гогенлоэ был на полгода старше Бисмарка, и к моменту своего назначения достиг 75-летнего возраста. Вильгельм II в своих воспоминаниях отмечал, что в этом выборе последовал совету дяди, великого герцога Баденского, Фри-

дриха I, а также своего ближайшего друга Филиппа цу Эйленбурга [3, S. 156]. Фридрих рекомендовал Гогенлоэ как государственного деятеля, стоящего над партиями и знающего традицию политического управления и дипломатии. А Эйленбург как раз исходил из того, что пока нет более подходящей кандидатуры, нужно закрыть вопрос с должностью канцлера формально и продолжать поиск преемника [4, S. 311].

Между тем вторая половина 1890-х гг. в истории Германии стала во многом переломным периодом, временем бурного экономического развития, определенным как «эра Штумма», а также этапом резкой активизации рейха на международной арене, получившим название перехода к «мировой политике». Вместе с тем, собственно политический курс Гогенлоэ чаще всего определяется как «зигзаг-курс» [5, S. 5], дрейфовавший от политики примирения классовых противоречий и поиска компромиссов власти с социал-демократией до перехода к «политике сплочения» в 1897 г. между короной, правительством, аграриями и промышленниками.

Сам Гогенлоэ несколько выпадал из общего ряда рейхсканцлеров Германской империи – он был единственным непрусским чиновником столь высокого ранга. Что мы можем о нем сказать к моменту получения им высокого назначения?

Он родился 31 марта 1919 г. в Ротенбурге (Фульда), происходил из старинного франконского дворянского рода, изучал право, поступил на юридическую службу в Пруссии, был депутатом Франкфуртского национального собрания в 1848 г., а в 1849 г. стал послом в Лондоне. После войны 1866 г. был назначен министром-президентом Баварии и выступал сторонником федеративного объединения южногерманских государств с Северогерманским союзом.

Князь Гогенлоэ реорганизовал баварскую армию по прусскому образцу, а в 1870 г. был вынужден подать в отставку, так как провалился выдвинутый им законопроект об отделении школы от церкви. С 1871 по 1877 г. он являлся членом рейхстага от партии имперских консерваторов, в период культуркампфа выступал за запрет ордена иезуитов, чем снискал враждебность со стороны партии Центра, в 1874 г. занял место германского посла в Париже, с 1885 г. стал заместителем кайзера в Эльзас-Лотарингии. В целом, его политическую платформу можно определить как умеренно-либеральную. 26 октября 1894 г. Гогенлоэ, находясь в Страсбурге, получил телеграмму от кайзера о своем назначении рейхсканцлером [6, S. 186].

Так как Гогенлоэ при вступлении в должность рейхсканцлера существенно терял в жаловании и был вынужден жить в Берлине в кредит, Вильгельм II обещал ему после отставки выплатить компенсацию

в размере 120 000 марок за год службы [Ibid., S. 187]. Однако в 1901 г. выплаченная сумма составила 42 000 марок [7, S. 221]. Вместе с тем, само по себе финансовое обещание кайзера ограничивало независимость рейхсканцлера как служащего. Аналогичное значение имела и поддержка кайзером при петербургском дворе интересов Гогенлоэ в получении поместий из русского наследства. В целом, всё это делало князя более зависимым и обязанным кайзеру, чем его предшественники.

На фоне родственных связей Гогенлоэ с домом Кобургов и через них с английской династией, а также с домом Шлезвиг-Гольштейнов кайзер обращался к новому рейхсканцлеру на «ты» и называл его «дядей Хлодвигом» [3, S. 157].

С назначением Гогенлоэ рейхсканцлером не произошло резких кадровых перестановок в среде высшей немецкой бюрократии. Прежде всего, здесь идет речь о статс-секретарях, которых сам князь определял как «парламентские силы в имперском руководстве», – Маршале и Бёттихере. В дальнейшем они должны были стать важнейшими опорами канцлера в отношениях с рейхстагом и кайзером.

Адольф Маршал фон Биберштейн (1842–1912) был новичком на дипломатическом поприще, когда вступил в должность главы внешнеполитического ведомства в 1890 г. Неопытность и незнание существенных нюансов международных отношений быстро поставили его в зависимость от ведущего чиновника министерства иностранных дел Фридриха фон Гольштейна. Поэтому неудивительно, что последний считал важным сохранение Маршала после отставки Каприви. К этому моменту Маршалу было 52 года, в прошлом он являлся государственным адвокатом и баденским посланником в Берлине, а также членом бундесрата. Его назначению государственным секретарем по иностранным делам способствовал всё тот же Гольштейн [5, S. 219]. Этот выбор вряд ли можно назвать удачным во внешнеполитическом отношении, так как именно он был ответственен и за спорные решения (например, невозобновление договора о перестраховке с Россией), и за ущербный, обозначенный как фритредерский, зигзагообразный внешне-торговый курс. Но вместе с тем была очевидна исключительная одаренность Маршала во взаимодействии с рейхстагом. Его выступления всегда были точны и блестящи по стилистике, он умел находить общий язык с лидерами влиятельной фракции Центра. Поэтому Гогенлоэ и хотел его сохранить, к чему предпринял усилия и преодолел некоторое сопротивление окружения кайзера.

Наряду с Маршалом, незаменимым для Гогенлоэ оказался Генрих фон Бёттихер (1833–1907), статс-секретарь министерства внутренних дел, вице-канцлер и вице-президент прусского государственного

министерства. В 1894 г. ему был 61 год и за его плечами был долгий путь по карьерной лестнице – от помощника в министерстве торговли до председателя правительства в Шлезвиге, обер-президента в Шлезвиг-Гольштейне и, наконец, с 1880 г. государственного секретаря внутренних дел при Бисмарке. С 1881 г. он стал вице-канцлером, а с 1888 г. – вице-президентом прусского государственного министерства. Бисмарк поддерживал Бёттихера в том числе финансово, когда его тесть, коммерческий советник Берг, был обвинен в растрате общественных средств. Бисмарк способствовал тому, что ряд банкиров предоставил Бёттихеру заем на общую сумму 1 000 000 марок. Позднее их выплатили из так называемого «вельфского фонда» [Ibid., S. 221]. Пока Бисмарк был рейхсканцлером, Бёттихер всеми силами поддерживал его политику, однако в период кризиса начала 1890 г. дистанцировался от разыгравшейся бюрократической драмы, чего Бисмарк ему никогда не мог простить. Неудивительно, что подконтрольная бывшему рейхсканцлеру пресса подвергала Бёттихера нападкам и в обществе постоянно циркулировали слухи о его отставке. В октябре 1894 г. статс-секретарь внутренних дел намеревался подать в отставку вслед за Каприви, однако Гогенлоэ приложил усилия, чтобы его удержать.

Самым молодым статс-секретарем в 1894 г. оказался 41-летний граф Артур фон Посадовский-Венер (1845–1932), губернатор Познани, который своим назначением в 1893 г. был обязан исключительно кайзеру и являлся одним из подходящих для Гогенлоэ, с точки зрения императора, чиновников.

Во главе имперского морского министерства стоял с 1890 г. Фридрих Гольман (1842–1913), глава штаба адмиралтейства и контр-адмирал. Он должен был стать надежной опорой Гогенлоэ, особенно в парламентском сдерживании планов кайзера по безграничному строительству военно-морского флота, к которым сам он относился скептически.

Таким образом, состав высшей имперской бюрократии почти полностью сохранился. Единственное существенное кадровое изменение коснулось поста главы имперской канцелярии – вместо родственника Каприви и близкого левым либералам Карла Гёринга Гогенлоэ по совету национал-либерала Рудольфа фон Беннигсена назначил Курта фон Вильмовски, ранее работавшего в качестве советника в министерстве сельского хозяйства.

Также Гогенлоэ назначил полномочным советником министерства иностранных дел своего сына Александра, который с 1893 г. был в рейхстаге депутатом от Консервативной партии.

В прусских министерствах кадровая ситуация развивалась обратным образом. Существенно обновился штат сотрудников министерств внутренних дел,

сельского хозяйства и юстиции. Во главе министерства внутренних дел по настоянию кайзера был поставлен консерватор Эрнст Маттиас фон Келлер (1841–1928), знакомый Гогенлоэ по Эльзас-Лотарингии. Тем самым Вильгельм хотел создать консервативный противовес либеральному южногерманскому канцлеру. Несмотря на свои сомнения, Гогенлоэ был вынужден согласиться [6, S. 201].

Иначе обстояло дело с министерствами сельского хозяйства и юстиции – здесь рейхсканцлеру удалось дать отпор кайзеру в его стремлении назначить ультраконсервативных кандидатов. После долгих дискуссий остановились на компромиссном кандидате – ганноверском помещике, председателе совета сельского хозяйства, Эрнсте фон Хаммерштейне-Локстене, которого предложил Р. фон Беннигсен. О Хаммерштейне Гогенлоэ говорил, что «он успокоит консерваторов и принесет голоса национал-либералов» [Ibid., S. 202].

Новые назначения в министерстве юстиции тоже проходили в острой борьбе. Возглавлявший это министерство при Каприви фон Шеллинг, сын философа Фридриха Вильгельма фон Шеллинга, казался кайзеру недостаточно энергичным и в принципе не подходящим для борьбы с социал-демократией. Отправлен в отставку он был весьма унижительно – император не только не дождался его семидесятилетия, но за несколько дней до этого юбилея без каких-либо почестей и благодарности за долгую верную службу просто уведомил через своего адъютанта о необходимости освободить кабинет. В качестве его преемника Вильгельм видел Германа фон Тессендорфа, который еще со времен культуркампфа и исключительного закона имел репутацию непреклонного сторонника сильного государства. Гогенлоэ эта кандидатура не устраивала в силу тех же самых обстоятельств – ультраконсервативных политических взглядов. Гогенлоэ предполагал, что это назначение оттолкнет от него умеренных либералов в рейхстаге, и дипломатично предложил кайзеру другого кандидата – директора имперского банка Рихарда Коха. Натолкнувшись на решительное сопротивление Вильгельма, он почти смирился с Тессендорфом, но тот неожиданно отказался от предложенной должности, и кайзер с рейхсканцлером остановились на 61-летнем Карле Генрихе фон Шёнштедте [5, S. 220].

Так были приняты два компромиссных кадровых решения, и в обоих случаях Гогенлоэ не смог добиться назначения своих кандидатов, что ставило под вопрос его способность к целенаправленной кадровой политике.

Остальные министры сохранили свои посты, и среди них выделялся Иоганнес Микель (1828–1901), прусский министр финансов, которому в течение следующих лет было суждено стать своего рода анти-

подом Гогенлоэ вследствие расхождения их политических взглядов и различий в характере. Учитывая, что Микель являлся одним из лидеров национал-либеральной партии, Гогенлоэ был вынужден избегать открытой конфронтации.

Влиянием пользовался также 60-летний военный министр Вальтер Бронзарт фон Шеллендорф (1833–1914), получивший назначение в октябре 1893 г. Он оказался прекрасным оратором, по политическим взглядам был близок рейхсканцлеру и стал для него важной опорой как в рейхстаге, так и в делах, касавшихся Пруссии.

В определении и реализации социальной политики важную роль играл прусский министр торговли Ганс Герман фон Берлепш (1843–1926). Он происходил из состоятельной семьи саксонских аристократов. Свое назначение он получил в 1890 г. и принял участие в разработке рабочего законодательства.

Значимое место в бюрократической иерархии Германской империи принадлежало главам трех кабинетов – гражданского, военного и морского. Это было связующее звено между двором и чиновничьим аппаратом. В этих кабинетах обрабатывался большой объем распорядительной документации, поступавшей от кайзера государственным и правительственным учреждениям. Все назначения и отставки также проходили через эти ведомства [8, S. 51].

Гражданский комитет возглавлял с 1888 г. Герман фон Луканус (1869–1921), сын аптекаря, который ко времени своего назначения на этот ответственный пост и пожалования дворянства дослужился до чина младшего секретаря прусского министерства культуры. Бисмарк рекомендовал его Вильгельму II как страстного охотника и «бравого парня». Луканус занимал пост главы гражданского кабинета в течение 20 лет. К нему очень по-разному относились в обществе и при дворе – если одни его ценили, то другие из снобизма называли не иначе как «аптекарем» и презирали. Широкой общественности он стал известен после того, как в марте 1890 г. передал Бисмарку желание кайзера получить прошение об отставке. С тех пор его называли «подателем шелкового шнура» [5, S. 228]. К нему Гогенлоэ относился скорее с недоверием, чем с симпатией, однако от критических суждений воздерживался. Взаимодействуя с Луканусом по службе, князь с уважением встречал последнего как посредника в передаче воли кайзера.

Военный кабинет с 1888 г. возглавлял генерал Вильгельм фон Ганке (1833–1913). Его ультраконсервативная позиция, согласно которой армия должна оставаться обособленной частью государства, не подверженной никакой демократизации, вступала в противоречие с устремлениями канцлера в вопросе о военных процессах, и Гогенлоэ не без оснований считал фон Ганке одним из виновников неуступчи-

вости кайзера в данном вопросе. Ганке был одним из людей из ближайшего окружения кайзера, кто поддерживал в монархе автократические взгляды. Он был вынужден оставить свой пост в 1901 г. по возрасту, получил пост генерала-фельдмаршала и пожизненное членство в прусской палате господ. Умер он в 1916 г. в возрасте 79 лет [Ibid., S. 229].

Морской кабинет с 1889 г. возглавлял Густав фон Зенден-Бибран (1847–1909). Вместе со статс-секретарем морского ведомства Альфедом фон Тирпицем он сыграл важную роль в разработке германских военно-морских программ. В качестве шефа морского кабинета Зенден был центральной фигурой, учитывая, насколько сильно идея создания сильного военно-морского флота захватила императора. Кайзер мало понимал в существе дела, но был крайне нетерпим к любым поучениям и руководству. Однако здесь, когда ему приходила в голову какая-то идея, Зенден мог облечь ее в более-менее приемлемую форму, и можно говорить об определенной зависимости кайзера от него. Это был едва ли не единственный человек, чьи поучения кайзер как минимум выслушивал. Бюлов отмечал, что для Зендена не существовало ничего, кроме флота, у него не было ни жены, ни детей, да и друзей насчитывалось крайне мало. Такая одержимость флотом могла бы сыграть положительную роль, если бы не влекла за собой односторонность. К сожалению, у Зендена, с точки зрения Бюлова, полностью отсутствовали политическая предусмотрительность и здравый смысл [4, S. 173].

Его страсть к флоту, поддерживаемая кайзером, существенно затрудняла рейхсканцлеру и его государственному секретарю по морским делам (до 1897 г.) фон Гольману взаимодействие с рейхстагом, весьма умеренно настроенным по отношению к военно-морскому строительству.

Таким образом, в сфере определения кадровой политики кайзер и рейхсканцлер на момент вступления Гогенлоэ в должность удерживались каждый в рамках возможностей, отводимых конституцией, однако в 1897 г. ситуация существенно меняется с рядом новых назначений, инициированных Вильгельмом, вопреки мнению Гогенлоэ. Во-первых, вместо Маршала фон Биберштейна статс-секретарем по иностранным делам был назначен Б. фон Бюлов, а Имперское адмиралтейство возглавил А. фон Тирпиц, с которым кайзер связывал воплощение своего любимого детища – строительство мощного флота. Также был произведен ряд кадровых перестановок в прусских министерствах. Становилось очевидным, что император полностью взял под личный контроль кадровую политику.

В немалой степени это было связано как с некоторым охлаждением его личных отношений с «дядей

Хлодвигом», так и с влиянием ближайшего окружения, которое уже современники окрестили «камарильей».

Вильгельм, вступивший на престол в возрасте 29 лет, так никогда и не избавился от некоторого инфантилизма и подверженности чужому влиянию. Его поверхностность, нервная порывистость, неспособность к рутинной работе, резкость в выражениях и поступках в сочетании с подчеркнутым чувством монархического достоинства представляли собой гремучую смесь. Неудивительно, что вокруг кайзера сложился круг людей, которые использовали его повышенную потребность в лести и признании и боролись друг с другом за милость монарха.

Центральную роль в окружении кайзера играл граф Филипп цу Эйленбург (1847–1921). Подружившись с кайзером в 1886 г., он в течение более чем 10 лет оказывал решающее влияние на все назначения на высшие бюрократические посты. У Гогенлоэ было к нему двойственное отношение – с одной стороны, канцлер признавал умиротворяющее влияние Эйленбурга на кайзера, а с другой – отказывал фавориту в политической прозорливости и здравом смысле. А после того, как с лета 1896 г. Эйленбург стал лоббировать назначение Бюлова на пост рейхсканцлера и в целом Гогенлоэ заметил его негативное к себе отношение, его высказывания в адрес Эйленбурга приобрели откровенно недружелюбный характер [6, S. 278].

В принципе, Гогенлоэ благодаря своему преклонному возрасту и спокойной натуре представлял собой полнейшую противоположность импульсивному и непредсказуемому кайзеру. Вероятно, его спокойствие и выжидательность оказывали на кайзера более эффективное воздействие, чем открытое возражение. Сын Гогенлоэ, Александр, подробно описывал, как его отец выстраивал взаимодействие с кайзером, когда тот настаивал на чем-то немыслимом: сначала просил возможность обдумать и представить свои соображения на следующий день в письменном виде. Этого времени чаще всего хватало, чтоб остудить пыл Вильгельма [5, S. 232].

Большую роль в выборе линии поведения Гогенлоэ по отношению к кайзеру играло его воспоминание о баварском короле Людвиге II, особенно по мере того, как речи кайзера становились всё менее адекватными реальности и заставляли усомниться в его психическом здоровье. Вильгельм позднее вспоминал о Гогенлоэ с теплотой. Но вместе с тем нельзя и не признать, что воздействие канцлера с течением времени ослабевало, и Вильгельм всё больше дистанцировался от своего главного министра и выходил из-под его влияния.

Аргументом в пользу тезиса о постепенном складывании режима личного правления кайзера служит

то обстоятельство, что публичные выступления Вильгельма имели прямые политические последствия, что свидетельствует о непосредственном влиянии монарха на политику. Так, в 1907–1908 гг. интервью кайзера британским газетам вызвало в Германии политический кризис. Его высказывания способствовали обострению англо-германских отношений, но в самой Германии спровоцировали мощнейший резонанс, приведя в итоге к отставке рейхсканцлера Б. фон Бюлова.

Также формат решения трех важнейших комплексов вопросов периода пребывания Гогенлоэ на посту канцлера был задан кайзером. В вопросе о борьбе против законопроекта о перевороте (речь идет о так называемом «каторжном законе») именно его выступление вынудило правительство представить второй законопроект, неприятие которого парламентом было изначально прогнозируемо. Его сопротивление либерализации военного судопроизводства превратило второстепенную по сути тему в актуальную проблему внутриполитической повестки на долгие годы. И, наконец, военно-морские программы Германии были в значительной мере поддержаны его инициативой. Таким образом, по меньшей мере в военно-морской и внешнеполитической сфере император осуществлял с 1897 г. собственную линию.

Усиление влияния и позиций кайзера после 1894 г. в немалой степени было связано с тем, что наряду с Гогенлоэ во главе прусско-германского государства было мало действительно сильных и влиятельных политиков. Так как Гогенлоэ не мог разделять в полной мере предписанную ему конституцией ответственность правительства с рейхстагом, баланс политических институтов монархии сдвинулся в пользу кайзера. Возраст Гогенлоэ, его податливая натура, а также обусловленная финансовыми обстоятельствами зависимость от императора не позволяли ему противостоять монарху. Вместе с тем, Гогенлоэ был далек от того, чтобы послушно деградировать до простого исполнителя воли Вильгельма. Свою основную задачу он видел в том, чтобы сдерживать внезапные порывы кайзера и переводить его инициативы в русло спокойной ответственной политики. Противодействие режиму личного правления превратилось в основную составляющую его канцлерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hartung F.* Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles 1871–1919 / F. Hartung. – Bonn, Leipzig : Schroeder, 1924. – 416 S.
2. *Eyck E.* Das Persönliche Regiment Wilhelms II : Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914 / E. Eyck. – Erlench-Zurich : Eugen Rentsch Verlag, 1948. – 814 S.

3. *Wilhelm II.* Ereignisse und Gestalten, aus den Jahren 1878–1918 / Wilhelm II. – Leipzig : Koehler-Verlag, 1922. – 309 S.

4. *Bülow B.* Denkwürdigkeiten / B. Bülow. – Bd. 1: Vom Staatssekretariat zur Marokko-Krise. – Berlin : Ullstein, 1930-31. – 634 S.

5. *Stalman V.* Fürst Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst. 1819–1901. Ein deutscher Reichskanzler / V. Stalman. – Padedorn : Verlag Ferdinand Schöning GmbH&Co, 2009. – 485 S.

6. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst : in 2 Bd. / F. Curtius (Hrsg.). –

Stuttgart und Leipzig : Deutsche Verlagsanstalt, 1907. – Bd. 2. – 565 S.

7. *Zachau O.* Die Kanzlerschaft des Fürsten Hohenlohe. 1894–1900. Politik unter dem «Stempel der Beruhigung» im Zeitalter der Nervösität / O. Zachau. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2007. – 618 S.

8. *Fenske H.* Deutsche Verfassungsgeschichte: vom Norddeutschen Bund bis heute / H. Fenske. – 3., erw. und aktualisierte Neuaufl. – Berlin : Colloquium Verlag, 1991. – 164 S.

Воронежский государственный университет

Солодовникова С. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru

Voronezh State University

Solodovnikova S. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru